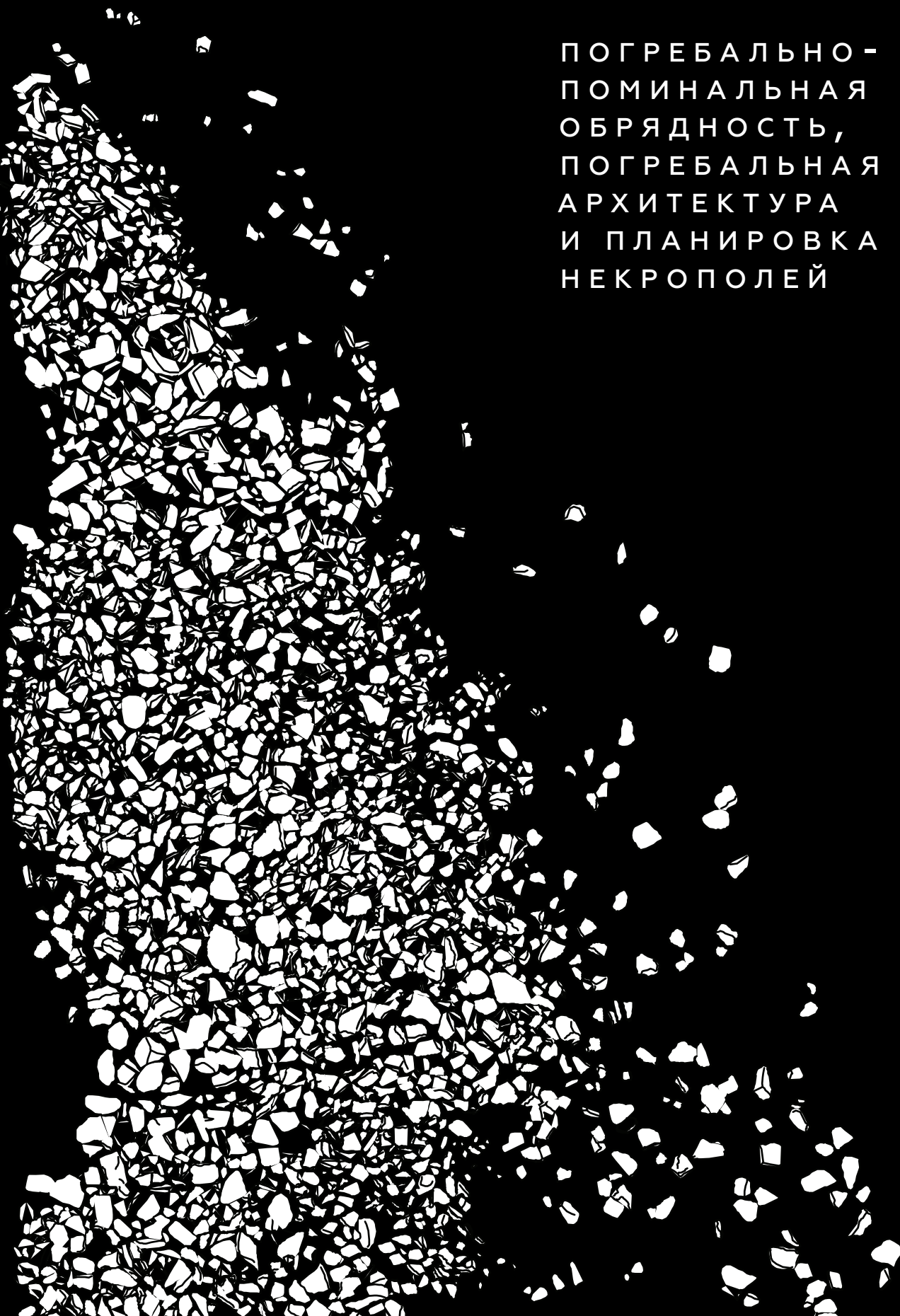

ДРЕВНИЕ НЕКРОПОЛИ:

ПОГРЕБАЛЬНО-
ПОМИНАЛЬНАЯ
ОБРЯДНОСТЬ,
ПОГРЕБАЛЬНАЯ
АРХИТЕКТУРА
И ПЛАНИРОВКА
НЕКРОПОЛЕЙ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUT FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
THE STATE HERMITAGE MUSEUM
PROCEEDINGS. VOL. 47

**ANCIENT NECROPOLISES —
FUNERAL AND MEMORIAL RITUALISM, ARCHITECTURE
AND PLANNING OF NECROPOLISES**

St. Petersburg

2018

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
ТРУДЫ ИИМК РАН. ТОМ 47

**ДРЕВНИЕ НЕКРОПОЛИ —
ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ,
ПОГРЕБАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА
И ПЛАНИРОВКА НЕКРОПОЛЕЙ**

Санкт-Петербург

2018

УДК 902/904

ББК 63,4

Древние некрополи — погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей. Труды ИИМК РАН. Т. 47. — Санкт-Петербург, ИИМК РАН, Гос. Эрмитаж. — 256 с., ил.

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН
Approved for publication by the Academic Board of IHMK RAS

Редакционная коллегия: Е. Н. Носов (отв. ред.), М. Е. Килуновская, Н. А. Лазаревская, С. А. Яценко
Editorial board: E. N. Nosov (editor-in-chief), M. E. Kilunovskaya, N. A. Lazarevskaya, S. A. Yatsenko

Перевод на английский язык А. В. Семёнов
English translation: A. V. Semenov

Рецензенты: доктор исторических наук В. А. Лапшин, доктор исторических наук А. Ю. Алексеев, кандидат исторических наук В. А. Алёкшин
Reviewers: Doctor of Historical Sciences V. A. Lapshin, Doctor of Historical Sciences A. U. Alekseev, Candidate of Historical Sciences V. A. Alekshin

Предлагаемый читателю сборник является публикацией материалов представительного международного Круглого стола «Древние некрополи: погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей», проведенного в Петербурге в ноябре 2016 г. Он является второй из задуманной серии подобных встреч, посвященных малоисследованным аспектам погребальной обрядности, отражению в материалах археологии ментальности и субкультурной специфики. В публикуемых текстах особое внимание уделяется закономерностям внутренней планировки некрополей и святилищ, междисциплинарному исследованию памятников такого рода, редким формам погребальных и надмогильных сооружений, обрядам обезвреживания умерших, в том числе с их черепами, человеческих жертвоприношений, реконструкции средневековых наземных склепов (выглядеющих сейчас как курганы) и т.п. Тексты размещены в хронологической последовательности от неолита к позднему средневековью. Сборник будет полезен археологам, религиоведам, этнографам, историкам и всем интересующимся древней религией и культурными корнями ряда современных традиций.

We are glad to offer this digest to the readers. This is the publication of the materials of representative international Round table «Ancient necropolises: funeral and memorial ritualism, architecture and planning of necropolises», which took part in St.-Petersburg, November 2016. It is second in series of similar meetings, dedicated to the little-explored aspects of funeral ritualism. One of those aspects is the reflection of mentality and sub-cultural specifics in archaeological materials. In the published texts special attention is paid to the regularities of internal planning of necropolises and sanctuaries, interdisciplinary research of this type of sites, rare forms of burial constructions, "disarming" rituals with bodies and skulls, human sacrifices, reconstruction of the medieval land crypts (which now look like barrows), etc. Texts are arranged in chronological sequence from Neolithic to Late medieval. Digest would be useful for archaeologists, ethnologists, religious scholars, historians and everyone who wish to study ancient religions and cultural roots of some modern traditions.

На лицевой стороне обложки: могильник Эки-Оттуг 2, курган 1, Тыва

ISBN 978-5-93572-816-8

© Институт истории материальной культуры РАН /
Institute for History of Material Culture RAS, 2018

© Государственный Эрмитаж /
The State Hermitage Museum, 2018

© Авторы статей / Authors of papers, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	9
Перцева М. А. Ямы с фигурными выемками — особый вид погребений среднего бронзового века	10
Ковалев А. А. Могильные ямы, моделированные по форме повозки, в Синьцзяне и Восточном Казахстане: их датировка и происхождение	25
Куприянова Е. В., Кириллов А. К. Роль и функции рва в погребальных комплексах эпохи бронзы Южного Зауралья	34
Рафикова Я. В. Антропоморфные стелы в погребальной обрядности эпохи поздней бронзы Южного Зауралья	40
Лазаретов И. П., Морозов С. В., Поляков А. В. Новые данные о манипуляциях с черепами в погребальном обряде окуневской культуры	51
Усманова Э. Р. Кефалотафия по-андроновски (по материалам погребений Лисаковской округи II тыс. до н. э.)	57
Боковенко Н. А. Вход в погребальное сакральное пространство у древних народов Среднего Енисея IV—I тыс. до н. э.	63
Ташбаева К. И. К семантике входов и дромосов в срубных конструкциях ранних кочевников Внутреннего Тянь-Шаня	71
Агульников С. М. О топографии и планировке могильника белозерской культуры Причерноморья	79
Малюкевич А. Е., Агульников С. М. Курганные некрополи Днестровского Правобережья	86
Килуновская М. Е. Погребальные памятники Тувы от древности до средневековья	92
Кисель В. А. Человеческие жертвоприношения могильника Догээ-Баары в Туве	106
Семенов Вл. А. Планиграфия могильников Суглуг-Хем I и Суглуг-Хем II в Туве (III—II вв. до н. э.)	113
Бородовский А. П. Погребальное пространство в контексте политкультурности (по материалам Быстровского некрополя эпохи раннего железа на Верхней Оби)	123
Шишкин А. С., Волков П. В., Зубова А. В., Кишкурно М. С. Выставление голов у носителей каменной культуры Верхнего Приобья (по материалам Быстровского некрополя)	134
Субботин А. В. Курганные некрополи тагарской культуры на юге Назаровской котловины ..	144
Акулов А. Г. «Время котов». Великолепные полтора века мемориалов тагарских нобилей ...	149
Вадецкая Э. Б. Отражение в коллективных могилах Енисея представлений о смерти индивида и возрождении социума	164
Козленко Р. А. Обряд обезвреживания погребенных в Нижнем Побужье в античный период	174
Федоров В. К. Вторжения в могилы единоплеменников при совершении новых захоронений у ранних кочевников Южного Урала VI—I вв. до н. э.	181
Сиротин С. В. Планиграфическое отражение основных этапов сооружения курганного могильника Переволочан I в Зауральской Башкирии	192
Ивченко А. В. Постпогребальная обрядность на некрополе Ольвии	201
Полин С. В. Об ограблении скифских курганов в Северном Причерноморье	206
Симонян А. Е., Атоянц Е. А. Некрополь Тейшебаини	216
Яценко С. А. Возможности анализа планиграфии малых сарматских некрополей	224

Андрух С. И., Тоцев Г. Н. Археологические культуры Северного Причерноморья в фокусе Мамай-Горы	232
Смагулов Е. А. Место наземных склепов в погребальном обряде раннесредневековой Сред- ней Азии	241
Список сокращений	251
Сведения об авторах	253

CONTENTS

Introduction	9
Pertseva M. A. Pits with figured recesses — special type of burial constructions of middle Bronze Age	10
Kovalev A. A. Grave pits modelled by the shape of cart in Xinjiang and Eastern Kazakstan: dating and origins	25
Kupriyanova E. V., Kirillov A. K. Role and functions of a moat in burial complexes of Bronze Age of Southern Trans-Urals.	34
Rafikova Ya. V. Stone anthropomorphic steles in the funeral rites of late Bronze age of Southern Trans-Urals	40
Lazaretov I. P., Morozov S. V., Polyakov A. V. New data on manipulations with skulls in the funeral rite of Okunevo culture	51
Usmanova E. R. Kefalotaphy in Andronovo culture (by the materials from burials of Lisakovskaya okrug of 2 nd millenium B. C.)	57
Bokovenko N. A. Entrance into the sacred funeral space among the ancient peoples of Middle Yenisei IV–I millenium B. C.	63
Tashbaeva K. I. To the semantics of dromoses and entrances in the timber constructions of Inner Tien-Shan early nomads	71
Agulnikov S. M. About topography and planning of Belozerskaya culture cemeteries	79
Malyukevitch A. E., Agulnikov S. M. Barrow necropolis of the Dniester Right Bank	86
Kilunovskaya M. E. Burial sites of Tuva from primeval to medieval ages	92
Kisel V. A. Human sacrifices on Dogae-Baary cemetery in Tuva	106
Semenov VI. A. Planigraphy of Suglug-Khem I and Suglug-Khem II cemeteries in Tuva (III–II centuries B. C.)	113
Borodovskiy A. P. Funeral space in the context of polyculturalism (on materials from Bystrovsky necropolis of early Iron Age on Upper Ob)	123
Shishkin A. S., Volkov P. V., Zubova A. V., Kishurko M. S. Exposing of heads among the bringers of Kamenskaya culture of Upper Ob (on materials from Bystrovsky necropolis)	134
Subbotin A. V. Barrow fields of tagarskaya culture in the south of the Nazarovo basin	144
Akulov A. G. «Time of cats». Amazing century of Tagarskaya noble monuments	149
Vadetskaya E. B. Death of an individual and revival of society reflected in collective graves of Yenisei basin	164
Kozlenko R. A. Rite of disarming of the buried bodies among population of Lower Pobuzhue ...	174
Fedorov V. K. Encroaching of tribe-mate graves during the creation of new burials among nomads of Southern Urals at VI–I centuries B. C.	181
Sirotnin S. V. Planigraphic reflection of the main constructional stages of Perevolochan barrow cemetery in Trans-Ural Bashkiria	192
Ivchenko A. V. After-funeral rituals on Olbia necropolis	201
Polin S. V. About the despoilment of Scythian mounds in Northern Black Sea Coast	206
Simonyan H. E., Atoyantz E. L. Necropolis Teyshebaini	216

Yatsenko S. A. Possibilities of minor sarmatian necropolises planographic analysis	224
Andruh S. I., Tosheev G. N. Archaeological cultures of Northern Black Sea Coast in focus of Mamai-Gora	232
Smagulov E. A. Place of surface crypts in the funeral rite of early-medieval Central Asia	241
List of abbreviations	251
List of contributors	253

А. В. Субботин

КУРГАННЫЕ НЕКРОПОЛИ ТАГАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ЮГЕ НАЗАРОВСКОЙ КОТЛОВИНЫ

Статья касается проблемы динамики тагарской культуры. Значительные изменения всех её характеристик за период жизни тагарцев в Минусинской и части Назаровской котловин рождают множество вариантов процесса этно- и культурогенеза этой культуры. Делается попытка обратиться к пока недостаточно освещенному по ряду причин вопросу связи планиграфии и топографии курганных могильников со временем их бытования. На примере северо-западной окраины расселения тагарских племен с весьма представительной источниковой базой (более 500 могильников) отмечаются особенности расположения разновременных тагарских памятников в ландшафте и планиграфии, как раннетагарских могильников, так и курганов, относящихся к развитому этапу культуры. В конце статьи приводятся последние антропологические данные относительно существенных различий между подгорновской и сарагашенской группами тагарской культуры.

Ключевые слова: тагарская культура, динамика, раннетагарские памятники, памятники развитого этапа культуры, планиграфия и топография могильников, антропологические данные

Осталось не так много времени до трехсотлетнего юбилея первого научного изучения памятников тагарской культуры, предпринятого Д. Г. Мессершмидтом в 1722 г. в окрестностях Минусинска (*Радлов*, 1888. С. 12, 13). Чуть дальше от сегодняшнего дня отстоит также весьма значимая 100-летняя дата обретения культурой (*Киселев*, 1928. С. 257–267) своего названия, ныне абсолютно признанного всеми археологами-сибиреоведами, более лаконичного и в конце концов вытеснившее прежнее — «минусинская курганная культура» (*Вадецкая*, 1986. С. 78). За это время в результате постоянных, начиная с XVIII в., широких раскопочных работ, получивших особенно массовый размах и «взрывообразный» рост во время функционирования ряда новостроечных экспедиций 60–90-х гг. прошлого века, наука получила колоссальный и вряд ли имеющий аналоги в других культурах по объему материал для освещения и анализа всех сторон культурогенеза и бытования тагарской культуры. Крупнейшие столичные музеи и музеи ряда городов Сибири пополнили свои фонды и экспозиции сотнями и тысячами предметов, поступивших в их коллекции из материалов раскопок, а также из частных собраний и случайных находок.

По весьма скромным и, надо отметить, очень приблизительным подсчетам лишь некоторых исследователей, оперирующих в своих работах большими массивами исходных данных (*Вадецкая*, 1986. С. 79–81; *Мартынов*, 1979. С. 11; *Членова*, 1992. С. 206), раскопкам подверглись не менее 1000 тагарских курганов. Если же привлечь сюда обширную серию публикаций, касающихся исследований памятников, насчитывающих в своем составе по несколько курганов, а также информацию, хорошо известную археологам, область научных интересов которых касается тагарской культуры, о раскопках конкретных тагарских могильников, к сожалению, по ряду объективных и субъективных причин так и не опубликованных, или опубликованных в весьма кушированном объеме, то количество раскопанных курганов можно смело увеличить вдвое.

Тезис о «яркой и самобытной» тагарской культуре уже стал весьма распространенным мемом, однако справедливости ради следует сказать, что весь имеющийся в распоряжении ученых богатый и разнообразный тагарский материал послужил достаточно крепкой базой для поистине огромного количества литературы по тагарской культуре. Опубликованы обобщающие работы авторитетных ученых, защищены десятки диссертаций, введены в научный оборот материалы раскопок новых, или, наконец-таки, ранее исследованных объектов. Утверждения, высказываемые специалистами, касаются всего спектра вопросов бытования культуры — от погребального обряда, хозяйственного уклада, до социальных отношений, оружия, керамики, искусства и далее. Имеются серьезные основания полагать, что пока не

существует темы, по которой археологи-тагароведы не «ломают копья», а имеют хотя бы временный, до поступления новых данных, консенсус. Наиболее дискуссионным вот уже не одно десятилетие продолжает оставаться проблема хронологии и динамики культуры, причем как в аспекте определения рубежей ее начала и завершения, так и в вопросах ее трансформации и эволюции. Полная внутреннего напряжения и интригующая история развития дискуссии неоднократно освещена исследователями. Последним трудом, где приводится исчерпывающий разбор и анализ существующих (включая совсем недавние мнения коллег) точек зрения на данную тему и подробно рассмотрены все обстоятельства: а) происхождения культуры; б) хронологии и периодизации; в) культурного районирования, является монография Д. Г. Савинова (2012. С. 27–44).

В настоящей работе рассматривается, на мой взгляд, пока не столь представительна и разносторонне освещенная тема — планиграфия тагарских могильников на разных этапах существования культуры. Причиной почти полного отсутствия исследований на эту тему в археологической литературе является, как это не парадоксально звучит, слабая источниковая база. Планов могильников нет, археологическая карта Хакасии, на территории которой и располагаются десятки тысяч тагарских курганов, не издана, в архиве Сектора сводов ИА РАН хранится всего 570 паспортов по Хакасии, из которых только 488 относятся к могильникам и курганам.

В большинстве научных работ лишь отмечается, что количество тагарских курганов очень велико, могильники, насчитывающие десятки и даже сотни курганов, занимают огромные степные площади всех котловин Минусинской впадины в бассейне Енисея и его притоков от Джойского хребта и отрогов Западного Саяна на юге до бассейна р. Чулым (бассейн р. Оби) и отрогов Восточного Саяна на севере. Кое-какие наблюдения относительно характера сооружения подгорновских и сарагашенских кладбищ и их планиграфии получили отражение в научной литературе. Так, М. П. Грязнов писал, что, по сравнению с подгорновскими могильниками, сарагашенские состоят из меньшего количества курганов — не более двадцати насыпей и «нередко рядом с могильником подгорновского этапа, а иногда вплотную примыкая к нему, находится могильник сарагашенского этапа. Иногда курганы обоих этапов располагаются вперемешку, составляя как бы единый могильник» (Грязнов, 1968. С. 190).

Непосильная, в силу своей трудоемкости и дороговизны задача учета и сдачи под охрану всех памятников археологии на данной территории, абсолютное большинство из которых составляют тагарские курганы и могильники, так и осталась по сей день не решенной. Объяснение сему печальному факту кроется в том, что перед археологами в их полевых работах всегда либо осуществлялось целенаправленное научное исследование (с более чем скудным финансированием) крайне незначительного количества объектов (один-два кургана), либо стояла, может быть, даже более актуальная проблема спасения хотя бы какой-то части уходящих под воду Красноярского водохранилища и разрушаемых широкими мелиоративными работами в Хакасии сотен и тысяч памятников. И в том и в другом случае на инструментальную съемку близлежащих могильников ни времени, ни денег не хватало.

Отдельного финансирования программ паспортизации и инвентаризации можно сказать никогда не было, кроме короткого — примерно в десять лет — периода, когда Министерством культуры РФ данные работы оплачивались по целевой программе «Культура России» примерно с середины 80-х по середину 90-х годов. Именно в эти годы в Южной Сибири (Хакасия, Тува, юг Красноярского края, Кемеровская область) была осуществлена паспортизация археологических памятников и сдано под охрану совокупно по всем упомянутым регионам чуть более 3000 паспортов, из которых 2346 относятся к курганам и могильникам. Большинство археологов, имевших и имеющих опыт полевых работ в Южной Сибири, безусловно согласится с утверждением, что это «капля в море», учитывая насыщенность памятниками этой «археологической Мекки».

Пожалуй, единственная территория, где наблюдается не столь печальная ситуация, это зона работ Сибирской экспедиции ИИМК РАН на самой юго-западной границе Красноярского края. Помимо раскопок памятников, попадающих под угрозу разрушения в связи со строительством первоочередных объектов Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса (КАТЭК), сотрудниками экспедиции

начиная с 1981 г. проводилась планомерная разведка. В итоге ко второй половине 90-х годов были составлены карты археологических памятников Шарыповского (300 памятников) и Ужурского (около 230 памятников) районов. Большую часть из них (более 400) составляют курганные тагарские могильники и отдельные курганы.

Выделение в результате многолетней археологической паспортизации на границе Назаровской и Чулымско-Енисейской котловин (в Шарыповском и Ужурском районах Красноярского края) множества тагарских памятников (более 400 объектов), в том числе весьма значительной группы раннетагарских могильников, дает возможность изложить ряд наблюдений и выводов, касающихся природного контекста, в котором были обнаружены эти курганы.

С точки зрения геоморфологии, Шарыповский и Ужурский районы, совокупно имеющие площадь чуть более 7000 квадратных километров, четко делится на две примерно равные части: северную — с холмисто-увалистым, уже лесостепным рельефом, и южную — с гористым-куэстовым рельефом, образованным невысокими горными грядами и межгрядовыми речными и озерными долинами. Территория насыщена небольшими реками с множеством притоков и богата озерами. Обилие водных источников и богатые черноземом земли явились базой для широкого освоения данной территории в древности. Однако, как показывают результаты археологического картографирования всех известных на сегодняшний день объектов, по территории этих двух районов памятники распределены достаточно неравномерно.

В южной половине Шарыповского и юго-западной половине Ужурского районов в результате картографирования курганных могильников четко обрисовалась система древнего расселения по нескольким межгрядовым речным или озерным долинам, своего рода микрорайонам. Практически все они до какой-то степени изолированы друг от друга. Каждая из этих долин отделена от соседней порой не очень явной, но, по-видимому, значимой в древности естественной преградой — системой невысоких холмов, гривой или даже пологим, но протяженным увалом. Таким образом, эти долины приобрели относительно замкнутый характер и могли восприниматься, при некотором допущении, небольшими по площади котловинами, приспособленными для жизни только одного древнего коллектива — рода, племени или иного образования. Величина и характер такого образования зависели от размеров площади для хозяйственной деятельности и уровня социального развития общества. Исходя из этого, можно допустить, что каждую из этих межгорных долин в какую-то единицу времени занимала всего одна группа населения, о максимальной возможной численности которой можно судить по данным хорошо разработанных подсчетов биологической продуктивности тех или иных ландшафтов.

В северной части Шарыповского и северо-восточной части Ужурского районов наблюдается иная ситуация. Памятники встречаются гораздо реже, одиночные курганы, которых здесь относительно больше, чем на юге, и курганные группы располагаются на высоких коренных берегах, причем либо на самом их краю, либо уже достаточно далеко от воды, на вершинах увалов или близко от них. Могильники в основном состоят из меньшего количества насыпей, но сами насыпи крупнее, а угловые и простеночные камни оград либо вообще отсутствуют, либо имеют небольшую высоту. Позднетагарские курганы в этой зоне нередко располагаются практически поодиночке. Их насыпи отстоят друг от друга достаточно далеко, и воспринимаются каждая как своего рода доминанта окружающего их холмисто-увалистого лесостепного ландшафта.

Ситуация, при которой курганы находятся на самых высоких точках какого-либо ландшафтно ограниченного микрорайона, хорошо известна по всей степной полосе распространения этой категории археологических памятников. Несколько иная картина складывалась там, где народы, имевшие курганные погребальные традиции, жили в гористой местности. Возведение курганов на самых высоких местах, то есть, по сути, на вершинах гор, практически невозможно. Поэтому могильники здесь в основном располагаются у подножий куэстовых гряд, на относительно пологих участках склонов речных долин, на максимально возможном в каждой конкретной ситуации удалении от воды. Таким образом, получается, что и в этом случае курганы занимают самое высокое место на каком-то обжитом участке территории этих долин. Одним из важных обстоятельств в определении пригодности места для возве-

дения курганов являлась, вероятно, степень крутизны склона вблизи подножия. В процессе разведок неоднократно фиксировались ситуации, при которых склоны чуть большей крутизны, чем соседние участки (плотно «установленные» курганными насыпями), оставались не занятыми курганами.

Отмечены случаи — Можары I, Сарбаголь I и III, Озерка IV, Кулун II — когда курганы, по своему внешнему виду, скорее всего, относящиеся к развитому (сарагашенскому) этапу культуры, занимают весьма узкие участки седловин между долинами, как бы обозначая границы тех или иных территорий или угодий, являясь своего рода межевыми знаками. Подобное, весьма знаковое расположение курганных могильников позволяет предположить, что тагарцы могли воспринимать эти могильники, как своеобразные пограничные, «межевые» символы, как бы обозначающие границы территорий какой-либо группы населения.

Весьма часто фиксируются могильники, состоящие полностью только из ранних курганов, или только из насыпей, относящихся к более позднему времени. В одних случаях могильники, особенно ранние, находятся у самой воды (Кошколь, Сопки I, Малое Озеро II, Малое озеро III) или на ровной площадке поблизости от воды (памятники в окрестностях деревень Ашпан, Красное Озеро, Локшино).

Наиболее представительным примером является ситуация с расположением курганов под горой Кедровой (на которой А. В. Адриановым в 1909 г. были открыты петроглифы), где было зафиксировано три разновременных курганных группы. Около семидесяти достаточно кучно расположенных раннетагарских курганов занимают самый пологий северо-восточный склон горы. Более ста насыпей, которые по своей архитектуре относятся к развитому этапу культуры, вытянуты широкой полосой у юго-восточной подошвы горы. Наконец, шесть, явно познетагарских, крупных, высотой до 2 м земляных курганов, с невысокими и не везде сохранившимися угловыми и простеночными камнями стоят у юго-западного подножия горы.

Чаще всего ранние курганы занимают самый край первой террасы берега или самую низкую и ровную часть подошвы горы, а поздние курганы тянутся цепочками вверх по склону увала или горы (Саргожик, Мысы, Ожинский). Есть немало случаев, когда было зафиксировано наличие на одной площадке как подгорновских, так и сарагашенских курганов, однако ранние и поздние курганы, как правило, территориально никогда не смешивались, представляя на самом деле два разновременных памятника, стоящих очень близко друг от друга (Сопки I и II, Листвяжный II, Можары I и II, Корнилово IV и др.) или вплотную друг к другу практически на одной, удобной для кладбища территории. Тем самым опровергается вывод М. П. Грязнова о том, что курганы подгорновского и сарагашенского этапов могут находиться в одном могильнике «вперемешку».

Данные наблюдения по топографии расположения ранних и поздних тагарских могильников, их планиграфии, а также не раз отмеченные в процессе раскопок тагарских курганов факты использования подгорновских могил сарагашенским населением весьма любопытны с точки зрения переосмысления степени близости и даже «преемственности связи» (Грязнов, 1968. С. 194) погребальных традиций между подгорновским и сарагашенским этапами тагарской культуры. Так, на могильнике Саргожик (как, впрочем, и на готовящемся к изданию могильнике Ашпыл) в процессе раскопок были выявлены курганы с погребениями подгорновского времени, вторично использованные для сооружения склепов в конце сарагашенского этапа.

Такое явление, как использование могил предшествующих насельников какой-либо территории для захоронения своих соплеменников, говорит о безусловном разрыве погребальных традиций. Более ранние погребальные комплексы перестают восприниматься людьми как неприкосновенные, сакральные могилы «своих» предков. Тем самым выражаются черты собственной идентичности каждой отдельной социальной группы и отсутствие таковой с «чужими» социумами, жившими на данной территории в прежнее время (Новоженев, 2016. С. 49).

Отмечаемые многими исследователями значительные изменения, произошедшие на сарагашенском этапе культуры (тип захоронения, набор сопроводительного инвентаря, форма погребального подкурганного сооружения) дополняются также и изменением на развитом этапе ее существования местоположения тагарских кладбищ, а также достаточно существенную, и являющуюся важным индикатором

тором иной погребальной традиции модификацию внешнего вида каменных и земляных надмогильных конструкций.

По мнению В. А. Алёшкина (2016. С. 174–175), «полная смена одного стандартного погребального обряда другим свидетельствует о полном исчезновении носителей конкретной археологической культуры. Частичная замена одного стандартного погребального обряда другим, то есть кардинальное изменение большинства элементов, составляющих прежний стандартный погребальный обряд, и трансформация его в новый стандартный погребальный обряд, говорит о проникновении в среду носителей конкретной археологической культуры носителей пришедшей археологической культуры».

Задача определения принципиальности и степени кардинальности изменений всех составляющих тагарского погребального обряда на рубеже подгорновского и сарагашенского этапов является отдельным и весьма непростым вопросом и поэтому выходит за рамки настоящей работы.

Здесь же следует еще упомянуть о выводах, к которым пришли специалисты-антропологи (Учанева и др., 2017. С. 78–87) в статье «Население Минусинской котловины в раннем железном веке, к вопросу о внутригрупповой и межгрупповой изменчивости». Анализ значительной серии черепов из материалов двадцати пяти тагарских могильников¹ показал, что, несмотря на высокую внутригрупповую изменчивость краниологических серий тагарской культуры, установлены существенные различия между населением подгорновского и сарагашенского этапов. Разница между ранними и поздними тагарскими группами обсуждалась и ранее, причем в ряде исследований (Козинцев, 1977. С. 67) не прослеживалась, однако впервые, благодаря методам многомерной статистики, она убедительно подтверждается в разном сравнительном масштабе.

Все приведенные выше данные существенно увеличивают аргументацию противников плавных (пусть даже весьма динамичных), а главное, эволюционных изменений в развитии тагарской культуры и даже «преемственности связей» тагарцев на всех этапах ее существования.

Особенно это касается рубежа между подгорновским и сарагашенским временем.

Алексеев В. П. Палеоантропология Хакасии эпохи железа. Сб. МАЭ. 1961. Т. 20.

Алёшкин В. А. Информативные возможности археологических погребальных памятников // АВ. СПб., 2016. Вып. 22.

Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986.

Грязнов М. П. История Сибири. Л., 1968.

Киселев С. В. Тагарская культура // Труды секции РАНИОН. М., 1928. Т. 4.

Козинцев А. Г. Антропологический состав и происхождение населения тагарской культуры. Л., 1977.

Мартынов А. П. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск, 1979.

Новожилов В. А. Разграбление могил как коммуникативное послание «своей–чужой» // Древние некрополи

и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления. СПб., 2016. (Гр. ИИМК РАН; Т. 46).

Радлов В. В. Сибирские древности. СПб., 1888. (МАР. № 3; Т. 1. Вып. 1).

Савинов Д. Г. Памятники тагарской культуры могильной степи. СПб., 2012.

Учанева Е. Н., Казарницкий А. А., Громов А. В., Лазаретова Н. П. Население Минусинской котловины в раннем железном веке, к вопросу о внутригрупповой и межгрупповой изменчивости // Вестник антропологии, археологии и этнографии. Тюмень, 2017. Вып. 1.

Членова Н. А. Тагарская культура // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматскую эпоху. М. 1992.

¹ Подгорновский этап тагарской культуры: 1) Новая Черная I; 2) Черновая I, IV; 3) Кичик-Кюзюр; 4) Каменка I; 5) Туран I; 6) Гришкин Лог I; 7) Тенсей IX (Козинцев, 1977); 8) Тагарский остров; 9) Сыда; 10) Усть-Сыда; 11) Усть-Тесь; 12) Кочергино (Алексеев, 1961), 13) Усть-Чуль. Биджинский этап тагарской культуры: 14) суммарная серия, включающая могильники Улут-Кюзюр (Козинцев, 1977), Белое Озеро, Трошкино, Ай-Дай II. Сарагашенский этап тагарской культуры: 15) Барсучиха I, VI, VII; 16) Малые Копены III; 17) Туран I; 18) Туран II; 19) Туран III (Гам же, 1977); 20) Кызыл-Куль; 21) Сарагаш (Алексеев, 1961); 22) Узун-Хыр; 23) Катюшкино; 24) 72 км; 25) Ай-Дай I, III.